

Взгляд Амары упирается в стену. Никаких тебе резвящихся нимф и влюбленных: все покрывает черно-белый геометрический узор. Заостренные линии загибаются и переплетаются, образуя бесконечный головокружильный лабиринт.

Они сидят в молчаливом ожидании, и время тянется, как патока. Дождь усиливается, отчаянно барабана по крыше. За всем этим шумом расслышать, закончил ли Феликс дела с клиентом, невозможно. Но вот мимо дверного проема шмыгает какой-то понурый человечек, и с лестницы доносится стук удаляющихся шагов. Никто не встает со скамьи.

Парис просовывает голову в дверь.

— Давайте, заходите.

Трасо поднимается и грузной поступью огибает раба. Амара и Виктория следуют за ним.

ГЛАВА 2

От нее несет бордельной сажей!

Сенека. Декламации, 1.2

Хозяин сидит за письменным столом в просторной, почти целиком красной комнате и не встает их поприветствовать. Если его и удивило их преждевременное возвращение, то он никак этого не показывает. Феликс вдвое уступает Трасо в весе, но вдвое превосходит его силой. Все его жилистое тело бугрится мускулами. Амара знает, что под складками его светлой тоги нет ни единого мягкого местечка. Его объятия не даруют даже иллюзорной нежности.

— Коротенькая получилась оргия, — говорит он. — Значит, богатенькие мальчики оказались скорострелами? Однако не сомневаюсь, что они заплатили вам вдвойне, — Феликс смотрит на Викторию. — Ты же за этим сюда пришла, правда, дорогая? Хочешь осчастливить меня заработанными денежками?

Он улыбается, но за его иронией чувствуется нескрываемая злоба. В комнате становится темнее. Амара не глядя понимает, что Парис только что закрыл дверь на балкон.

Виктория открывает рот, но ее перебивает Трасо.

— Все из-за Симо, — говорит он. — Симо предал нас...

— Он, должно быть, сговорился с Вибо, — подхватывает Виктория. — Все женщины Симо остались в бассейне, а нас прогнала какая-то старая хрычовка. Силой выволокла нас вон. Сказала, что так распорядился этот жирный слизняк Вибо! Никаких клиентов мы и в глаза не видели...

— Балбус тоже с ними заодно, — прерывает ее Трасо. — Я отметелил для тебя этого мелкого лживого...

— Если бы не Вибо, Трасо бы от него живого места не оставил! — говорит Виктория. — А Драука над нами насмехалась; я уверена, что она все знала...

Пока Виктория и Трасо взхлеб тараторят, изо всех сил стараясь отвести от себя вину и отбрасывая ее по сторонам, будто дерьмо из латрины, Амара наблюдает за Феликсом. Становится ясно, что, если хозяин не вмешается, вскоре они начнут обвинять в случившемся друг друга. Феликс внимательно слушает их оправдания, и его гнев зримо нарастает. Будь Амара способна сделаться маленькой и незаметной, она бы с радостью превратилась в мышку.

— А ты чего молчишь? — Феликс резко поворачивается к Амаре, застигнув ее врасплох. — Неужто тебе нечего сказать? Так и собираешься стоять столбом?

— Все... все было так, как они описали, — с запинкой произносит она.

Феликс, исходя злостью, ждет, пока она добавит что-то еще. За его спиной алеют стены. Тишину нарушает лишь тяжелая дробь дождя. Амара понимает, что хозяин вот-вот взорвется. Если она не заполнит молчание, ничто не защитит ее от града ударов.

— Старуха выгнала нас из терм, — говорит она и, стараясь не смотреть ему в лицо, обращает взгляд на фреску позади его стола. Наверху, над черными плитами, изображены бычьи черепа. — Она называла твое имя. Ей нужны были только женщины, принадлежащие тебе. Мишенью этого оскорбления был ты один. — Виктория приглушенно ахает. Покосившись на испуганное лицо подруги, Амара быстро отводит глаза. — Не думаю, что за этим стоял Вибо. Какая ему выгода? — Никто не отвечает. Она продолжает, обращаясь к мешочку с монетами, лежащему на столе по правую руку от Феликса: — Должно быть, Симо его подкупил. Это единственное объяснение. Сейчас у него в термах все схвачено, и он, разумеется, не желает, чтобы количество женщин удвоилось, а прибыль вдвое сократилась.

Дождь продолжается, а ее храбрость почти иссякла. Никто еще не пугал ее больше сидящего перед ней мужчины. Амара поднимает взгляд от стола. Обычно она избегает смотреть ему прямо в глаза, поэтому сейчас ее удивляет выражение внимания на его лице.

«Он слушает».

На единственное краткое мгновение она видит его насквозь. Этого достаточно.

— Не думаю, что тебе стоит наказывать Вибо, — говорит она, немного овладев голосом. — Он может быть полезен. Если его может подкупить Симо, то можешь и ты. Таким образом мы и заработаем в термах, и покажем, что от нас так просто не избавиться.

Феликс поднимает брови. Ей удалось его удивить. Амара пытается побороть страх, воображая, как он исходит от нее, подобно пару, и исчезает.

— Что же касается Симо, то ты запросто сможешь его проучить. Разве он не держит таверну? Возможно, она станет менее привлекательной для посетителей.

Выражение лица Феликса почти не изменилось, но она чувствует, что его гнев отступает.

— Ты многовато твякаешь для такой маленькой собачки, — говорит он и кивает на распухшую, окровавленную губу Трасо. — И как же ты расквитался за это с Балбусом?

— Я сломал ему нос.

— Надеюсь, это не единственное, что ты сделал.

Феликс встает с места, и обе девушки отступают назад. Трасо остается неподвижен. Хозяин щелчком пальцев подзывает к себе Викторию, и та со всех ног спешит к нему. Он смеривает ее оценивающим взглядом, проводит ладонями по ее телу, ощупывает, поправляет ее одежды. Сейчас Феликс не мужчина, прикасающийся к женщине, а торговец, проверяющий свой товар. Он с силой шлепает ее по заду.

— Вы принесете мне столько же денег, сколько шлюхи Симо? Чего воды в рот набрали? — Он не глядя указывает

в сторону Амары. — Эта девка уверяет, что да, а вот я что-то сомневаюсь. — Он берет Викторию за подбородок. — Чем вы сегодня занимались в бассейне? Пялились по сторонам, как крестьяне на играх? Просиживали свои плоские задницы?

Феликс удерживает девушку так крепко, что та не может даже покачать головой.

— Я видел Драuku. У этой шлюхи лучшая задница в Помпеях. А у тебя что? Разве это сиськи? — Он отпускает Викторию, отталкивая ее лицо. Она покачивается, но не падает. — Может, Симо и подмазал Вибо, но разве тот стал бы вас прогонять, если бы знал, что хоть одна из вас умеет трахаться не хуже Драуки? — Феликс вызывающе оглядывает своих рабынь, но те не смеют ответить. — Наш приятель Симо хвастает, что продает лучшие щелки. Поэтому вам... — Феликс тыкает пальцем в девушек, — надо показать ему, что это пустое бахвальство. Вибо будет трахать вас бесплатно, когда и как угодно, за счет заведения. И если после этого вы не станете его любимыми девочками, я буду знать, кто в этом виноват. — Амара поглядывает на Викторию, пытаюсь угадать ее мысли, но лицо подруги непроницаемо, как маска. — Пошевеливайтесь, проклятые шлюхи! — кричит Феликс, заставив их обеих вздрогнуть. — Хочу, чтобы каждая из вас, ленивых потаскух, принесла мне по пять денариев. Остальным передайте, чтобы тоже не прохлаждались, а не то пожалеют!

Амара так спешит из комнаты, что в дверях едва не спотыкается о Париса, но Виктория все-таки оказывается быстрее. Они бросаются прочь по балкону и наперегонки сбегают по лестнице. Первой оказавшись у подножия,

Виктория разворачивается и преграждает Амаре дверь на улицу. Едва не сбившись с ног от внезапной остановки и обжигающего гнева подруги, она опирается о стену.

— Ты что творишь? — шепотом напускается на нее Виктория. — Феликс бы позабыл о Вибо. Зачем ты попросила его отправить нас назад? Ты что, идиотка?

Девушки поневоле теснятся друг к другу у подножия вонючей темной лестницы.

— Подумай о деньгах, — шепчет в ответ Амара. — Подумай обо всех этих богачах! Не чета отребью, которое сюда ходит!

— С ума сошла? Чего ты себе навоображала? Что они заявятся в термы с мешками золота? Они ходят туда трахаться, а не искать невест! — Виктория возмущенно повышает голос. — А теперь нам придется улаживать Вибо!

Амара хочет объяснить, что пойдет на все, стерпит любое унижение, ухватится за любой призрачный шанс, лишь бы освободиться из лупанария.

Сверху доносится резкий окрик Париса:

— Чего вы там застряли?

— Уже уходим, — отзывается Виктория, распахивая дверь.

Они выбегают под дождь и через пару шагов снова оказываются под крышей.

Небо сумрачно и затянуто тучами, но в «Волчьем логове» еще темнее. Ставни в маленьких кубикалах* закрыты, чтобы уберечься от сырости, а в воздухе висит густой запах благовоний и масляных ламп. Помещение, отведенное под лупанарий, ненамного уступает в размерах

* Кубикула — спальня в римском доме. *Прим. ред.*

покоюм Феликса, но Амаре оно кажется тесным, как гробница.

Фабия вычерпывает из латрины дождевую воду, чтобы нечистоты не хлынули через край. Смрад, неизменно стоящий в этом конце коридора, сегодня просто сбивает с ног. Мельком подняв взгляд, чтобы их поприветствовать, дряхлая женщина снова склоняется над дырой. До того как состариться, Фабия тоже была волчицей. В одной из этих кубикул она даже произвела на свет злополучного Париса. Фабия неспособна сполна отработать свой хлеб, но Феликс пока не выбросил ее на улицу.

— Что сказал хозяин? — спрашивает Кресса, выходя из кубикuly Бероники вместе с остальными девушками.

— Он собирается еще раз попытаться удачи с Вибо, — говорит Виктория. — Хочет убедить его снова пустить нас в термы. Теперь этот вонючий ублюдок будет приходить сюда, а мы должны расшибаться в лепешку, чтобы ему угодить. — Она складывает руки на груди, но, вопреки ожиданиям Амары, ни в чем не обвиняет ее при подругах.

— Вибо будет приходить сюда? — переспрашивает Бероника. — Быть не может!

— Разве он настолько ужасен? — спрашивает Амара. Если она и получила какое-то удовлетворение, подав совет Феликсу, то оно стремительно улетучивается.

— А вы его еще не обслуживали? — спрашивает Кресса. Амара и Дидона качают головами. — Он настоящее чудовище. В прошлый раз чуть меня не задушил. — Она подносит ладонь к горлу, словно вспоминая его пальцы вокруг своей шеи.

Амара с раскаянием смотрит на Викторию.

— И это еще не все, — говорит та, оставив без внимания ее взгляд. — К завтрашнему дню каждая из нас должна принести нашему чудесному хозяину по пять денариев.

Кресса стонет.

— Может, он пошутил? — с надеждой спрашивает некогда не понимавшая юмора Бероника.

— Какие уж тут шутки, — отвечает Виктория. — Поверьте моему слову, он был не в настроении веселиться.

— Нам ни за что не собрать такие деньжищи! — стонет Бероника.

— Придется постараться. — Кресса переводит взгляд на Фабию, которая по-прежнему опустошает латрину. — В такую погодуку самой Венере будет непросто подцепить мужчину.

— Я не собираюсь выходить на охоту на голодный желудок, — говорит Виктория. — Давайте начнем с «Воробья», перекусим, а там, может, и дождь перестанет.

Все пять женщин принимаются тушить лампы, оставив лишь пару светильников. Таким образом они берегут масло и избегают лишнего дыма. Из-за постоянной спертой духоты недавно купленные Феликсом картины — бесконечные сцены любовных утех, висящие под потолком, — уже покрылись сажей. Постель изображенной над кубиколой Амары женщины, отдающей по-собачьи, пересекает новая закопченная тень. Девушка наклоняется, чтобы погасить горящую под картиной глиняную лампу. Как и все прочие лампы в лупанарии, она выполнена в форме пениса, на кончике которого теплится пламя. К нескольким светильникам прикреплены крохотные глиняные человечки, выставляющие напоказ громадные

пылающие фаллосы. Феликс находит эти лампы забавными: по его словам, они помогают посетителям настроиться на нужный лад. Амара их ненавидит. Можно подумать, им не хватает членов.

Главный вход в лупанарий, расположенный точно напротив «Слона», охраняет Галлий, вольноотпущенник Феликса. Высокий и широкоплечий, он превосходит Трасо внешностью, будучи столь же жестоким в драке. Когда подружки пытаются выйти на улицу, он хватается за руку Беронику.

— Погодите, — говорит он. — Нельзя уходить всем сразу. Одной из вас придется остаться. Вдруг явится клиент?

— Неужели так трудно зайти за нами в «Воробья»? — спрашивает Виктория. — Это же прямо через дорогу.

— Нет, — отвечает Галлий. — Распоряжения Феликса вам известны. — Он подталкивает Беронику внутрь. — Давай, возвращайся.

— Вот гаденыш, — сквозь зубы бормочет Виктория, когда девушки торопливо минуют тротуар. — Надо будет принести ей что-нибудь из съестного.

— И Фабии тоже, — говорит Кресса. — Она совсем отошала.

Эта жалкая старуха, из последних сил цепляющаяся за существование, кажется девушкам предвестницей их собственного мрачного будущего. Амара подозревает, что Крессе, которая на несколько лет старше остальных, особенно мучительно наблюдать за судьбой Фабии.

Даже в столь ранний час из трактира напротив доносится громкий шум. На его внешней стене красуется гигантская пестрая фреска с изображением слона, окруженного

пляшущими пигмеями и обвитого змеями, символизирующими удачу. Под вывеской начертана самодовольная похвальба: «Ситтий вернул слона!» Женщины Феликса, не останавливаясь, проходят мимо. Подцепить клиентов можно и в «Слоне», однако Ситтий не только отпускает еду и вино, но и сдает комнаты. В такое ненастье его гости скорее уединятся наверху с женщинами, работающими в трактире, чем потащатся в лупанарий под дождем.

Всего в нескольких шагах от «Слона» виднеется мокрая, потемневшая от дождя вывеска с едва различимой птичкой, усевшейся на украшенный цветами двусмысленный девиз: «Будьте довольны, как этот воробей!» Бульжная мостовая пустой маленькой площади белесо поблескивает от ливня. Когда Амара впервые попала в Помпеи, весь тротуар занимали выпивохи: кто-то стоя беседовал, кто-то выводил надписи на стене. Она видела здесь и граффити, посвященные Феликсу, и даже критические обзоры их лупанария. Во многих надписях упоминалась Виктория. Хорошо это или плохо, но о самой Амаре ничего не писали.

Девушки спешно скрываются в таверне и топают по полу, отряхиваясь от дождя. Виктория ленивой походкой приближается к стойке. Облокотившись на мраморную столешницу, она расстегивает плащ и спускает с плеча краешек желтой тоги. Со стороны углового стола доносится свист.

— Доброе утро, дамы! Трудитесь на износ? — приветствует девушек Зоскалес, владелец таверны. На его шее висит тряпка, лицо сияет от пота.

Задняя стена заведения от пола до потолка заставлена кувшинами с вином, так что Зоскалес едва помещается за стойкой, но Амара ни разу не видела, чтобы он

что-нибудь сшиб. Она понятия не имеет, что привело его в Помпеи из невообразимо далекой Эфиопии. Сам он часто шутит, что ему указывала путь супружеская любовь. Амара почти никогда не видит его задерганную жену в таверне, зато часто встречает ее на улице с тремя непослушными маленькими детьми. Она вовсе не похожа на соблазнительную сирену, заманившую своего мужчину с другого конца света.

— Если бы, — говорит Виктория. — Кто-нибудь здесь хочет поразвлечься?

— Уверен, за желающими дело не станет, — отвечает Зоскалес. Посетители таверны всегда составляли немалую часть клиентов лупанария. — Распоряжусь, чтобы Никандр подал вам горячее вино и жаркое.

Подруги пробираются к свободному столу рядом с двумя свистунами. Амара ощущает укол страха. В родном городе она бы перешла улицу, чтобы не столкнуться с подобными мужчинами, а мать, несомненно, потащила бы ее вперед, шепотом призывая опустить взгляд. Запятнанная, потрепанная непогодой одежда выдает в мужчинах бродячих торговцев. Оба они уже успели напиться. У того, что сидит ближе к девушкам, не хватает четырех передних зубов. Густая кудрявая борода его спутника умощена дешевым маслом, чтобы скрыть седину.

Амара садится на скамью у стены, где к ней присоединяется Дидона. Виктория пытается подтянуть к столу табуреты для себя и Крессы, но шербатый мужчина хватается ее за запястье.

— Почему бы тебе не устроиться здесь? — Он раздвигает ноги, хлопая себя по колену. На его губах пузырится слюна. Его спутник хрюкает от смеха.

— Надеюсь, вы не докучаете дамам? — как бы невзначай спрашивает вовремя подоспевший Никандр и намеренно проходит с подносом между столами, вынуждая мужчину отпустить добычу.

— О нет, они нам вовсе не мешают. — Виктория ласково улыбается пьяному развратнику. Садясь, она раскрывает плащ, мельком показывая длинные бедра, и быстро прикрывает колени. Она снова улыбается мужчине, и тот, побагровев, тарашится на нее. «Первая рыбка попалась», — думает Амара.

Никандр ставит перед Дидоной жаркое из фасоли.

— Ты выглядишь замерзшей, — говорит он.

— На улице так мокро, — отвечает она.

— Надеюсь, это тебя согреет. — Он медлит у стола девушек в надежде, что она скажет ему еще хоть пару слов. Амара уже не впервые с нежностью замечает, каким взглядом Никандр смотрит на Дидону и как он тревожится, когда к ней приближается какой-нибудь агрессивный клиент.

— Никандр! — ревет через всю таверну Зоскалес. — Вино само себя не подаст!

Дидона склоняет голову над тарелкой. Соблазнительница из нее никудышная. Всего несколько месяцев назад она была благовоспитанной девушкой из маленького пригорода Карфагена и никогда не покидала дома с непокрытой головой. Отец уже подыскал Дидоне жениха, и, казалось, ей была уготована замкнутая жизнь матери и супруги. У Амары сжимается сердце. Она попала в рабство раньше подруги, но еще не забыла, как мучительно было лишиться свободы.

— Вы не из Помпей, — говорит Виктория торговцам. Она быстро поглощает свое жаркое, вытирая ободок

тарелки ломтем хлеба и не упуская из виду потенциальных клиентов.

— Вы прибыли морем? — спрашивает Кресса. — Я всегда мечтала о морских путешествиях. — Она отхлебывает вино, смотря на бородача так, словно сам Посейдон вышел на сушу, чтобы удостоить визитом простых смертных.

— Нет. Мы приехали из Поццуоли, — отвечает тот. — Мясом торгуем. В основном козлятиной.

— Готов поспорить, ты охоча до мяса, — добавляет его спутник, тыкая пальцем в ногу Виктории. Между его скривившимися в ухмылке губами тянется нитка слюны.

Виктория смеется, мило прикрывая рот ладонью, как будто он отпустил удачную остроу. Амара старается сдерживать гримасу отвращения. Вечно одно и то же. Почему мужчины всегда так пошло шутят с проститутками? Эта парочка вот-вот начнет хвастать размерами своих чиндалов.

Беззубый мужчина снова хлопает себя по колену, и на сей раз Виктория не пренебрегает приглашением. Кресса делает щедрый глоток вина, опустошает чашу до дна, встает и обвивает руками его спутника. Виктория покрепче прижимается к тяжело дышащему беззубому, благоразумно не позволяя ему слишком распускать руки. Снисходительность Зоскалеса не безгранична.

Бородач целует Крессу, но та отстраняется, чтобы украдкой отхлебнуть еще вина, на сей раз из его чаши. Возможно, желая пошутить, мужчина отпускает ей такую увесистую пощечину, что вино брызгает изо рта девушки ей на грудь.

— Грязная маленькая волчица, — говорит он.

Кресса быстро переглядывается с Викторией, и та, наклонившись к своему ухажеру, шепчет что-то ему на ухо. После небольшого промедления мужчины пошатываясь встают, и все четверо покидают таверну.

— Впечатляющая скорость, — произносит Никандр, подошедший забрать тарелки и бокалы. — Даже для Виктории. — Он снова перешел на родной для них с Амарой греческий язык. Дидона тоже понимает по-гречески, но Никандр, похоже, не осознает, что в краях девушки говорят не на греческом, а на пуническом языке.

— Феликс велел каждой из нас заработать сегодня по пять денариев, — отвечает Амара.

Никандр морщится.

— С чего бы это?

— Утром нам не повезло в термах.

— Жаль это слышать, — говорит он, поглядывая на Дидону, которая до сих пор не произнесла ни слова. — Надеюсь, вас никто не обидел?

Дидона качает головой. Никандр улыбается ей, прежде чем вернуться на кухню со стопкой грязных тарелок.

Амара осматривает помещение в поисках потенциальных клиентов. Трое мужчин, поглощенных игрой в кости, не обращают на нее ни малейшего внимания, одинокий выпивоха за стойкой хмурится, когда ей удается поймать его взгляд. В обеденное время всегда туго с клиентами. Виктории и Крессе повезло найти мужчин.

— Ну что, придется двигаться дальше? — спрашивает Дидона, уныло ссутулив хрупкие плечи.

— Утром я видела в форуме гуляющих моряков, — говорит Амара. — Да и дождь почти прекратился. Уверена, нам не придется долго бродить по городу.

Дидона смотрит на нее потемневшим взглядом. Если не поостеречься, в ее полных глубокого горя глазах можно утонуть, но Амара ни за что не позволит себе настолько потерять самообладание. Она встает и протягивает подруге руку с выдержкой и уверенностью, принадлежащими ее прошлой жизни.

ГЛАВА 3

Все остальные животные получают удовлетворение от спаривания; человек — почти никакого.

Плиний Старший. Естественная история

Улицу оглашают громкие звуки ублажающей беззубого мужчину Виктории и его стоны наслаждения. Именно по этой причине, зная, что Виктория станет хорошей рекламой, привлекающей прохожих в его заведение, Феликс и выделил ей комнату возле главного входа. Галлий со скупящим видом восседает у стены.

— Можешь передать это Беронике и Фабии? — спрашивает Амара, протягивая ему половину маленькой буханки. — Мы собираемся попытаться удачи в форуме.

— Ладно. — Галлий засовывает хлеб в складку плаща, и ей остается лишь надеяться, что он не съест его сам.

После ливня воздух посвежел, однако узкая дорога стала походить скорее на канал. Амара и Дидона ступают осторожно, придерживая плащи, чтобы не замочить их полы в лужах. Зимой их профессию сложно определить по внешнему виду. Под теплыми плащами они носят тоги, в которые дозволено одеваться лишь мужчинам

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

